

ДМИТРИЙ УСТИМЕНКО*

ИНТУИЦИЯ ВЕРЫ

В РЕЛИГИОЗНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ВЛАДИМИРА БИБИКИНА**

Получено: 11.05.2022. Рецензировано: 22.07.2022. Принято: 17.08.2022.

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты понимания веры В. В. Бибикиным. Методология этого исследования ориентирована анализом: интуиция веры философа реконструируется из достаточно точных, самозначимых определений, высказываемых в его многочисленных работах. Констатируется, что категория веры занимает существенное место среди тем и проблем многогранного творчества философа. Она декларируется им как «первая вещь», которая осознанно или неосознанно обуславливает все бытие человека. Наряду с философией и молитвой вера объявляется онтологией, т. е. истинно подлинным, предельным измерением существования. Она соприкасается с «сердцем истины», принимает сверхъестественные догматические Тайны, привносит сотериологический смысл, таит в себе не всегда очевидный, но безусловный закон человеческой природы, который предопределяет качество и мораль всех поступков. Показательно, что, несмотря на христианскую религиозную приверженность, В. В. Бибикин в своих работах проводит апологию антропологического универсализма веры, критикует только ее доктринальное толкование, эксплицирует ее в концептуально философском ключе. Вера также определяется как способ узнавания себя и в себе бога (доктринальный аспект), но именно с ней сопряжена и безусловная свобода человека. Когнитивно она совпадает с разумом, но является его высшей потенцией. В этом смысле вера у В. В. Бибикина есть требование и «катарсиса», и «захваченности», и «грабежа Бытия», что проявляется в молитве и творчестве. Важный аспект интуиции веры у В. В. Бибикина — ее личностное измерение, имеющее, конечно, конкретное христианское выражение. В его трудах можно встретить целый спектр характеристик веры: жертвенность, верность, полное «слепое» доверие Богу, противоразумность, рискованность, уверенность, — а также свойства знания, философичности, чистоты.

Ключевые слова: В. В. Бибикин, вера, онтология, смирение, философия, свобода.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-105-126.

Обращаясь к творчеству Владимира Вениаминовича Бибикина, мы сосредоточили свое внимание на проблеме веры. Она достаточно глубокая, нюансированная, имплицитная, и те фрагменты о вере, которые

*Устименко Дмитрий Леонидович, д. филос. н.; профессор; Северо-Кавказский филиал Московского технического университета связи и информатики (Ростов-на-Дону), UstimenkoD2006@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3047-9564.

**© Устименко, Д. Л. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

мы вычитывали в его работах, не представляют всей полноты ее понимания им. Более того, нам показалось, что тема веры сосредотачивает у В. В. Бибихина существенный спектр его философствования и может быть определена как та концептуальная матрица, из которой разворачиваются всевозможные тематики. Примерно так же, как за семью печатями «понимаемый» «Парменид» Платона обусловлен, возможно, не просто логическими полаганиями абсолютного и относительного, а скрывающейся за ними экзистенциально значимой идеей, что единое пронизывает все, что даже такие мелочи, как волосы, грязь, сор, причастны самому по себе подобному (см. Платон, Аверинцев, 1993: 349–351). Понятие «интуиция веры» вынесено нами в заглавие справедливо с учетом расположенности философа к феноменологическому типу философии. Тем более, исходя из его текстов, феноменологию он понимает не в школьном, академическом виде, а вполне практически, как в том числе методологию духовного опыта, способствующую доведению веры до очевидности. Феноменология — это предъявление того, что есть, и важно — кому. Себе и Богу. Сразу возникает ассоциация с Ветхим Заветом, данным Богом Аврааму: ходи предо Мною и будь непорочен. «Кроме этого предъявления — ничего не иметь в мысли», — говорит Бибихин (Бибихин, 2011: 50). Феноменология «есть чистое внимание как новость», и в этом ее главный смысл, потому что

только из этого чистого предстояния может возникнуть — не сила, а пустота и мера удивления, изумления, из которой одной только могут быть обойдены, как от абсолютного исходного начала, любые привычки (там же).

Важно отметить, что эта «феноменологическая установка», включающая в себя у В. В. Бибихина целый ряд «процедур» — и разоблачение само собой разумеющегося, и усмотрение оригинального, чудесного, и уход с проторенных колея языка, и постоянная смысловая проблематизация, и радикальность мышления, — была не внешним методом, а естественным способом философствования, претворяющим его многогранное творчество в целостную картину. Феноменология, как видно, способствует поиску веры, того малого, но существенного, онтологического в человеке, причем не только критикой технического рационализма, но и бесстрашным относительно исторического времени жизни В. В. Бибихина призывом человека к космическому делу богопознания (см. Бибихин, 2010: 471).

Философия Владимира Вениаминовича имеет выраженную религиозно-антропологическую линию, в ее центре — проблема человека, а способом

осмысления его бытия явно или косвенно подразумевается христианское мировоззрение. В своем программном лекционном курсе «Лес» он откровенно говорит, что, хотя тема в семестре другая, курс будет ориентирован на начала христианства, чтобы показать свое, интимное в вере, чтобы не висела скверная угроза, что вера останется условным историческим понятием, конструктом, как в науке, богословии, а он занят фундаментальной герменевтикой. Биbihин не хочет «уйти в мыслительные конструкты и лексические упражнения, не заметить того, в чем мы тонем, во что ушли вместе с головой» (Биbihин, 2011: 13). Вера — это первая вещь, о ней он говорит открыто, откровенно, немало.

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЕРЫ

Вера и в жизни, и в мысли В. В. Биbihина имеет экзистенциальное значение. В его же воспоминаниях о С. С. Аверинцеве можно разглядеть приходской строй жизни философа: он был, по крайней мере в 80-е годы, прихожанином храма Николы (на Кузнецках), где, возможно, застал служение известного проповедника Всеволода Шпиллера (см. Биbihин, 2004: 332, 338, 340, 344). Еще больше об этом говорят его многочисленные рассуждения о значимости молитвы. И в итоге — признание онтологического измерения веры. Вера относится им к подлинному существу человека. В работе «Лес» говорят удивительные, квинтэссирующие слова (Биbihин, 2011: 48):

Постоянная молитва, философия и вера в каждом, это онтология. Какие трудности эта работа, легкое иго, встретит, какими сложностями обернется, — биография. Выход в божественное предстояние начало истории настоящей свободы, которую дарит иго.

Слово «онтология» концентрирует в себе смысл истинной, подлинной реальности, поэтому для понимания природы веры важно сознавать, что именно под ним подразумевает автор. Прояснение идеи онтологии способствует реконструкции фидеистической (лат. *fides* — вера) интуиции, что, собственно, и направляет логику нашего подхода к мысли В. В. Биbihина. Сразу отметим, что в его интерпретации — а Биbihин обладал цельным и в то же время синкретичным мышлением — онтология включает в себе больше, чем она значит в чисто философском контексте: в ней есть богословский компонент. В философско-богословской плотности понятия онтологии у В. В. Биbihина заключены все антропологические коннотации, в первую очередь вера. Онтология понимается им иерархизированно, лично, христологически, энергично. Она есть

истина, софийность, Бог. Показательная мысль: человек — не просто «существо»; он должен стать «событием», мы бы сказали, со-Бытием: он событие, Богом сотворенное; он должен «ходить именованным, держателем доли в не рушащемся предприятии, богатом божественном мире» (Бибихин, 2009b: 42). Онтология истолковывается Бибихиным в бого-человеческом ключе, включающем в себя предельные разграничения между тварным и нетварным. Опять-таки в этом неоднозначном, по его мнению, философско-богословском вопросе (а ему Бибихин посвящает почти пятисотстраничную работу «Энергия») он усматривает живые, актуальные для современного человека основания (Бибихин, 2010: 132):

Опыт расставания с действенным, действующим, горячим Богом, порыв остановить уход такого Бога — это настоящая суть паламитского догмата. (Как наша тематизация энергии — от опыта расставания.) Он стало быть в своей невысказываемой предпосылке — тревожное опасение, что Бог может ускользнуть, человек остыть; что нужно *человеческое* тоже действие, молитвенное усилие, да и совсем конкретно — приятие вот этого самого догмата о божественных энергиях, чтобы не упустить, уловить божественную энергию в мире.

Будучи переводчиком аскетических трудов Макария Великого, а также «Триад в защиту Священно-безмолвствующих» Григория Паламы, Владимир Вениаминович придерживался энергетизма православного учения, хотя и с известным акцентом в пользу примата сущности перед энергиями. Ему был хорошо знаком и тот комплекс антропологических, духовных проблем, которые выводят к нему, соединяют человека с Богом. Не исключено, что он и сам практиковал исихастский опыт, могущий преображать грубую природу человека.

Речь идет об отношении между Богом и человеком. Бог — *terminus a quo*, предел, от которого; человек — *terminus ad quem*, предел, к которому. В *terminus a quo* энергия равна сущности (по божественной простоте) и следовательно конечно нетварна. В *terminus ad quem* энергия тварна. Не принадлежит и принадлежит творению одна и та же энергия. В каждом акте благодати таким образом продолжается, или, поскольку он вне времени, происходит создание мира, дарение от нетварного к тварному. Сомнения и усложнения в этом вопросе могут идти только от лукавого (там же).

По Бибахину, Бытие не статично, не замкнуто, но таит в себе иерархическо-энергичную «вертикаль» с ее иной реальностью, допускающей в себя человека, открытой к возможностям его трансценденции, выхода, преодоления страстности и самой смерти. В своем существе в качестве Бога онтология понимается им апофатически — как неизменное и сверхизменчивое, открытое и непостижимое, познаваемое и неименуемое, как то, в чем уже человек и что усилиями ему еще нужно достичь. Важно и то, что Бытие понимается ипостасно: оно есть Лицо, к которому обращена личность человека. Именно в этом положительном пункте мысль В. В. Бибахина расходится, например, с высокоценным им учением М. Хайдеггера.

В этой связи вера у В. В. Бибахина — это как бы непоколебимое признание такой богословской истины. Она есть всецелая антропологическая встроенность в онтологию. Онтологическое, божественное упрочивается либо скептизируется в вере. В этом можно услышать хайдеггеровские мотивы (Бибахин, 2005b: 130):

Истинность, точнее, истина выступает у Хайдеггера не в качестве предиката, т. е. характеристики любого вида сущего, а как аспект или даже ипостась бытия. И, следовательно, вера предстает в значении причастности бытию.

Этот невидимый драматичный процесс богообщения непрерывен. Интуиция смирения, как первое предусловие этого опыта, прослеживается во многих его философско-антропологических суждениях. Для В. В. Бибахина божественная онтология реальна, но дается она мучительно. В работе «Узнай себя» он пишет (Бибахин, 2015b):

Меня цепко держат все исторические и местные связи, из которых я, здешний и теперешний, собственно говоря, только и состою. Ведь дело вовсе не в том, о чем грезят благодушные теоретики свободы, — развернуться на готовом просторе, спрямив (спланировав) досадные иррациональные углы. Речь идет о добывании простора, которого в природе я нигде не вижу и который мне остается творить только прямо из моего оцепенения, и неоткуда больше. Прорвать оцепенение, когда я только из цепей и состою, значит взорвать изнутри само это так, движущей силой прорыва не может быть ни я, ни его свобода; наоборот, я с его невольной свободой будет цепенящей и сковывающей силой, а прорываться будет то, чего еще нет, чего не видно ни мне, ни другим ни во мне, ни в других, что никак не определено, что определяется как неименованное. Короче говоря, если во мне поистине ничего нет, кроме здешности и теперешности, если я пучок связей, то, прорываясь, я топчу себя, гублю себя, не попутно, а в корне.

Другими словами, онтологическая трансформация возможна для человека не через силу, а через смирение и веру. Аналитика преодоления себя в себе, проблема внутреннего «выхода в простор», к смирению, как ни парадоксально, связываются В. В. Бибихиным с темой жизненного риска, бросания себя, поступка и попутно с критикой рационализма. Под эту критику подпадают даже такие «иррационалисты», как Достоевский и Фрейд, завершающие возвратом в правильность. Но здесь другое: речь идет о важности страдания, говорится об отчаянии как о «единственном», что «не гонит и разжижает веру» (Бибихин, 2015b: 251). Что лучше: сидеть в комфорте и пить кофе или пройти через муки войны, лишений, плена, насилия, смерти? Весь пафос философии В. В. Бибихина устремлен к идее выхода из теории, комфорта разума в дело, что только и позволяет найти себя и соприкоснуться с подлинно онтологическим, пусть порой и страшным. Это и есть вера, некое отдание себя Богу. Под делом веры подразумевается обретение живого неформального опыта, которое предполагает преодоление самонадеянности, субъектности и превращение своей жизни в событие перед Богом. Когда ты — в незащищенности перед Ним. В непрерывном событии богопознания

человеческое существо вводится в дело Бога — посвящается в это дело, космическое. Страх Божий — одно из названий этой ответственности. В благодати человек поэтому, если строго говорить, меньше защищен чем без нее. Скорее он на страшной высоте. И уж конечно без привычных опор знания, взвешенный в пространстве без ориентиров (Бибихин, 2010: 471).

Ведь не человек, а Бог задает антропологически возможные и невозможные параметры событий, принципиально опровергающих рациональную «правду», поэтому вера, как говорится на семинарах по раннему Хайдеггеру, «очень сильная вещь. Она, конечно, спасает, спасает вот этого человека, смертного, больного, нищего, покинутого» (Бибихин, 2009а: 60). Здесь остается вопрос, насколько такое ответственное дело веры, при котором человек превращает свою жизнь в событие, остается без «опор знания»? С одной стороны, незнание результата, невозможность точной оценки, критики, осуждения (по крайней мере, христианская религия, по В. В. Бибихину, даже «антиморальна»), с другой, вера включает в себя множество смысловых импликаций (то же понятие «событие», если оно необходимо, уже отсылает, например, к хайдеггеровскому *Dasein* и т. д.). Логика смирения противоречит философскому представлению о величии человека с его свободой, но как

раз открывает перспективу различной критики гедонистической мысли и культуры, которую энергично применял В. В. Бибихин.

Религиозная онтология констатируется, предощущается божественностью в человеке. Это создает ситуацию экзистенциальной несоразмерности. С одной стороны, человек сознает себя больным, немощным, отторженным, а с другой, вынужденно волящим к Богу. Причем независимо от того, верит ли человек, принимает ли он Бога или нет. Истина одна для всех. Эта интуиция осмысливается В. В. Бибихиным в работе «Чтение философии» относительно идеи Парменида. Есть истина, которая принимается или не принимается, веруется, а есть — «сердце истины», неоспариваемое никакими людьми, именно поскольку они — люди, она нескрыта, потому что алетейя, хотя никто — ни верующие, ни неверующие — не достигает знания полноты ее содержания. Он пишет (Бибихин, 2009b: 360):

Смертные потому только смертные, что они поднялись, встали лицом к лицу с бессмертными. Пока смертный — смертный, в лицо, в упор он видит бессмертного; бессмертный ему другой, его другой, бессмертный ему, смертному, всегда ближе всего, ближе — потому что его определяет — чем другой смертный. Поэтому а-летейя смертному ближе, чем им «принятое», именно алетейя сделала так, что принятое — это принятое; и именно алетейя сделала так, что смертный принимает.

В данном случае вера ассоциируется В. В. Бибихиным с высшим родом знания, которое настолько естественно и непосредственно, что одновременно является и истиной человеческого существования, и тем, что по своей глубине не вписывается ни в какие конечные познаваемые истины и доксы. Причем эта алетейя веры, непогрешимое, никому не гарантирует спокойствия и устойчивости. Истинная вера связана с парадоксальным зрением, видящим очень известное и неизвестное. Здесь же в «Чтениях...», размышляя над мыслью В. Соловьева, В. В. Бибихин замечает, что знание целого, необходимое для жизни, первичнее частной мысли.

Главное дело — это предмет предметов, всеединство [...] дано так, что мы не успеваем заметить, когда оно было дано: оно всегда или вдруг заранее уже дано, раньше, чем мы знаем, что оно именно такое и каким образом дано (там же: 148).

Оно — не интеллектуальный продукт. Его невидимость надо понимать в сильном смысле — как невосприимчивость никакими известными спо-

собами восприятия, кроме одного, исключительного, который Соловьев называет «верой».

Эта вера есть и свидетельство нашей свободы ото всего и вместе с тем выражение нашей внутренней связи со всем. [...] Свободы ото всего — потому что мы выходим верой, видением невидимого, в такое, что ничем достать нельзя — но благодаря чему все достается (Бибихин, 2009b: 148).

В своих историко-философских рефлексиях Владимир Вениаминович задает вопросы и ищет идентификации для универсализации собственной интуиции веры, но на этом философском уровне ему приходится осуществлять свои концептуальные разграничения и оценки. Он соглашается с тем, что понимание Бытия свершается через поэтизацию, искусство мысли, глубинную философскую интерпретацию своей экзистенции, но критикует идею о том, что онтология только и устанавливается путем такого философского удостоверения, потому что в глубине мысли он догматик, приверженец христианской традиции. В этой приверженности конкретному, «верности», как он говорит в ряде работ, и заключается острота риска веры и, наверное, сущность веры.

[Вера] — отдание себя, своей жизни, своей воли Богу такое, что, как у апостола Павла, «не я уже живу, но живет во мне Христос». Христос конечно не нуждается ни в обоснованиях, ни в подкреплении: Он Сам держится Собой, и Им держится человек, отдавший ему в вере: он встретился с Богом, говорит с Богом и никогда ни за что этого личного общения не отдаст, как человек, который нашел что-то самое драгоценное на свете, не захочет даже смотреть ни на что другое, пока не насмотрится досыта, если только такое возможно и драгоценное не становится только еще более драгоценным от созерцания (там же: 140).

Проблема генезиса веры — не естественной, а религиозной — предполагает свободу, смирение, смирение веры. В этом — молниеносная и неизъяснимая специфика веры. Она — соприкосновение с Самим. Конечно, в ней есть элемент дара, поэтому-то и актуальна евангельская просьба «Верую, Господи, помоги моему неверию», но для ее полного раскрытия требуется и собственное, какая-то установка, структура понимания, которую, в принципе, и хочет уловить и описать В. В. Бибихин. Он говорит, что если вера могла бы раскрыться как вера в личностном измерении в покорности Богу, то не исключено, что она могла бы двигать и горы. Именно ею, если вспомнить апостола Павла, и города падали, и так далее. В «Энергии» Владимир Вениаминович говорит (Бибихин, 2010: 220):

Вера — другое зрение, к которому надо проснуться; но только сам сотворенный может тут проснуться. Получается, то, для чего творение — создать свободного, равного Творцу — не может быть создано творцом, хотя творец создал всё! Чем больше он дает — всё дает — твари, тем труднее твари поверить, что она свободна, самостоятельна. Бог сделал всё, не надо ничего доделывать; и Он же не сделал ничего! Тварь сама должна снова пройти весь путь от низшего сотворенного до Бога, а без этого скандал, провал творения; при том, что в творении всё доделано и в принципе ничего доделать невозможно уже. Что же, Бог зависит от творения, как инженер, который сделал машину и теперь волнуется ждет, заработает она или нет? Что было бы, если бы ни один человек не проснулся? Провал творения? — А что было бы, если бы Бог заранее запрограммировал так, чтобы человек проснулся? Тоже провал творения, ведь творение для свободного отклика. Бог зависит от твари, но так, что с самого начала хотел зависимости; тварь это по определению то, от чего Бог [так] ждет веры, что сотворил ее свободно свободной, т. е. в понятие твари входит ожидание от нее Богом ответа. Это один из самых трудных богословских вопросов, я только наметил здесь очертания ситуации.

В этом плане человек — возможность самого себя, могущий или жить в легкости ига соединения с Бытием, или — губить себя в разрезе с ним. Это принципиально универсальный тезис. Подчеркнем, специфика интуиции веры В. В. Бибихина окрашена в экзистенциально-философскую семантику. Широкая образованность позволяет ему воспроизводить веру, понимаемую вполне положительно, в различных философских дискурсах, например теоретико-познавательном, как в случае с анализом философии Л. Витгенштейна. И все же его философский нейтралитет отличается по-русски горячим этическим ригоризмом. Бибихин пишет (Бибихин, 2015b: 453):

Зло не в ложных верах, а в ложном человеке. [...] Я только возможность, которая сама себя не может превратить в действительность, а единственно что способна делать — это тянуться к Тому, Кто может. Живем Его веяниями. Он приходит и оправдывает наши дела, иначе они или не наши — «гуны вращаются в гунах» — или так же пусты как мы сами. Так и ходим по краю: отдаться неведомо кому обидно, быть самими собой не можем своими силами. Поэтому наши дела только символ. Не причастие символично, а причащающийся.

Иначе говоря, есть онтология, скрывающаяся за обрядом, таинством, верой, а есть суета, психология, символика, и требуется найти, вовлечься, участвовать. Среди широкого пути — найти единственный онтологический путь. И это различие известно издревле. Даже познание, как пишет В. В. Бибихин, по понятию раньше означало «замечать», «не упускать

из виду», «сделать частицей сознания», «держат в поле зрения», т. е. «жить с Богом рядом» (Бибихин, 2015b: 454).

Онтологическому реализму соответствует вера, которая знает, как надо. А что надо? В работе «Лес» говорится, что,

как бы [кто] ни определял свою веру, в любом положении, и состоянии, и возрасте человека, — это забота о доле, забота в смысле хайдеггеровской Sorge, доля в смысле наделенности, а не обездоленности, богатства, а не убогости, или если убогости, то строгой нищеты лучше всякого богатства (Бибихин, 2011: 25).

То есть вера — не просто пассивное знание истины, а ревностное возвратное познавательное проникновение в нее. По сути, она совпадает с познанием, узнаванием себя, ведь, как пишет В. В. Бибихин, истина — это закон человеческой природы —

безусловный, первый, собственно и единственный [...]. [...] Прочитать, развернуть этот закон, заботы, ευλάβεια, хорошей хватки, осторожной боязливости, богобоязненности, мы никак не можем, скорее он действует раньше всякого нашего определения (там же).

Речь идет о внутреннем ощущении истины, которая присутствует в целостности жизни каждого человека, отчасти доступной, но в любом случае как бы предопределяющей исход любого характера действий. Впрочем, тексты философа достаточно откровенны, наполнены библейскими отсылками. Методологически оставаясь в философской плоскости, Владимир Вениаминович выдерживает, быть может, ту самую философию Логоса (Христа), которую в качестве русской философской альтернативы и предлагали развивать, например, И. В. Киреевский, А. С. Хомяков, В. Эрн, С. Н. Трубецкой. В то же время остаются вариации, позволяющие В. В. Бибихину сравнивать веру, например, с категорическим императивом Канта. Это область совести, веры как соприкосновения с самим Бытием. Разница в том, что Кант понимает человека сразу требовательно, сильно, возвышенно, в определенном плане божественно, а Бибихин исходит из слабой реальности человека, вынужденного участвовать в сильной христо-онтологической доле.

Характер участия в онтологическом измерении осмысливается В. В. Бибихиным в качестве вынужденного. Он напоминает стоическое утверждение: кто не покоряется судьбе, того она влечет за уши. Понятно, что фатализм снимается христианским учением о свободе человека, но какой-то момент «предопределения», «законничества» все же остается.

Если философия возникла из магического мирозерцания греков, то, наверное, этот момент «сворачивания в онтологию» присущ любому философскому мышлению. И возможно, что вне этого придерживания «крепости» верой и философия невозможна.

Какова структура человеческой жизни? Привычная механика: мы то и дело падаем, Он нас поднимает и одаривает еще и еще, ни за что. Грешнику уж хотелось бы, чтобы Он не поднимал. Так, наверное, Сизифову камню хочется, чтобы уж его оставили в покое: насовсем лечь. Но вера говорит нам, что наши волнения не прекратятся. Верующий знает, что Бог с настойчивостью Сизифа будет добиваться от камня одушевленного участия в Его, Бога, многославной и многотрудной доле, во всей той кутерьме, которую Он затеял. Так что хоть и не хочется камню оживать, а все придется, потому что Бог-Сизиф заведомо не перестанет: камень упорен, но Он уж точно упорней камня (Бибихин, 2015b: 467–468).

СПАСАЮЩЕЕ СВОЙСТВО ВЕРЫ

В первую очередь вера в Бога для В. В. Бибихина имеет сотериологическое свойство, обещающее преодоление смерти. В работе «Дневники Толстого» по поводу смерти мальчика отмечается такая цитата Л. Н. Толстого (Бибихин, 2012a: 72):

...как понять разумность, закономерность, если смерть так вдруг уносит; как оправдать судьбу. За что? Единственное объяснение дает вера в всеобщую будущую жизнь. Ежели ее нет, то нет и справедливости, и не нужно справедливости, и потребность в справедливости есть суевере.

Сотериологический тезис веры оказывается сильнее тезиса просто онтологического, поскольку даже категория истинности, как бы глупо она ни понималась, оказывается бессильной перед трагичностью смерти. В. В. Бибихин во многих местах показывает, анализируя учения философов, что попытки смеха над смертью или логического ее преодоления эфемерны. Несмотря на господство мысли от высоты до донного уничтожения, только вера решает вопрос смерти. Причем «ее дело» — не только смерть физическая. Экзистенциальная проблематика сводится к одному, Бибихин приводит слова Толстого (там же: 255):

...как мне спастись? Я чувствую, что погибаю — живу и умираю, люблю жить и боюсь смерти, — как мне спастись? [...] ...вера ищет не внешней истины, а спасения.

Вера видится не столько психологическим мостом от погибающего состояния к обновленной и вечной жизни, сколько единственным

упованием на силу и любовь Божию, лучом надежды на бессмертие. Владимир Вениаминович пишет в «Узнай себя» (Бибихин, 2015b: 293):

Если ни грех, ни страсть, ни упоение, ни слепота не принадлежат нам надежно, если ни в чем из этого не можем надолго удержаться и, падая, видим под собой все то же черное дно, то пусть падая на него — вера дает открыто смотреть в эту черную ночь, неверные всячески силятся не видеть ее, — мы смогли и посмели кричать: как раз потому, что выхода нет и ждет черный конец, как раз потому, что надеяться больше не на что, на тебя, невозможная надежда, надеемся против всякой надежды.

По Бибихину, «амехания» — антропологическая «необеспеченность», «зависимость», невозможность от себя ни дышать, ни есть, ни уснуть, ни проснуться — не может быть преодолена не просто потому, что человек «становится местом решения о *нет* и *есть*, о *небытии* и *бытии* [...]», и все оказывается во власти *разрешающего* слова», как пишет О. Агапов (Бибихин, 2015a), а скорее вследствие религиозно-онтологической амбивалентности, причастности сокрытому Богу. Вера усматривается свободным человеческим актом-поворотом к такому осознанию. В ней человек, смиряясь, отрекаясь от себя, от разума (недаром Исаак Сирийский называет ее «полоумной», но высшей способностью, могущей производить «новую тварь»: «Ведение противно вере. Вера во всем, что к ней относится, есть нарушение законов ведения, впрочем — ведения не духовного» (Авва Исаак, Соболевский, 1998: 118–122)), парадоксально приближается к высшей онтологической реальности. Этот парадокс лежит в основании понимания веры, предложенного С. Кьеркегором (Кьеркегор, Исаева и Исаев, 2010: 43):

...вера — это не какое-то эстетическое волнение, но нечто гораздо более высокое; как раз потому, что ей предшествует самоотречение, она не может быть непосредственным движением сердца, но только парадоксом наличного существования [Tilvaerelsens Paradox].

Об этой «жертве» веры, приобретающей онтологическое богатство, оправдание, и говорит В. В. Бибихин (Бибихин, 2015b: 414–415):

Как для рождения нужно человеческое участие, так для оправдания нужна вера. Вера в то, что не мы сами оправдываемся, но можем быть оправданы. Вера как бы открытие дверей для божественного творчества и божественного мира, разрешение Богу действовать, иными словами, принятие Божьего интереса как своего, даже с риском того, что Он будет действовать не в интересах верующего.

Одной из причин неверия является незнание себя, слепота к красоте природы, погруженность в мир, сон разума.

Мы не верим в Бога и не «оставляем мир» именно потому, что не удивились жизни природы. Великие верующие верили от переполненного существования: надо было измениться, чтобы вынести эту интенсивность. Как мы можем заметить Бога, если не замечаем мощи природы (Бибихин, 2015b: 466).

Высказывается догадка, что легкость переживания смерти зависит от интенсивности ландшафта природы и климата, поэтому в России тяжелей переносят смерть, чем в южных странах.

Важным в интуиции веры В. В. Бибихина является признание ее сверхъестественности. Она начинается тогда, когда начинается видение тайн: бессмертия, знания, того, что есть Бог, что Он есть абсолютная любовь, что Бог распят, что Он не устраняет зло в мире и так далее. Разум останавливается перед Тайнами, а для веры открывается реальность. Отрицание этих тайн — здесь Бибихин цитирует Лосева — «это рационализм и дурачество» (Бибихин, 2004: 59). В пример он даже приводит Платона, который заповедал казнить неверующих в запредельные божественные истины (см. там же: 78). Религиозные догматы, «Тайны» есть суть веры, то, что относится к настоящему, но еще больше к будущему, где они раскроются. Онтологическая известность и неизвестность, которую усваивает вера, как раз придает динамику искания человеческого спасения, приоткрывает Спасающего, но требует еще усилий приобщения. Вера, как говорит Бибихин, должна быть живой и оставаться верой.

Будет то, во что мы верим, спасение, свет, пришествие Господа во славе, Воскресение плоти. Поскольку это вообще все что будет и ничего, кроме этого, не будет, то и все, что сейчас есть только обещание, остальное иллюзорно, потому что кончится и не станет. Нельзя забывать, есть будущее Царство сейчас только таким образом, что будет; оно есть посреди конечного как единственное начало, к которому из нашей всегда вторичной местности и временности еще нужно вырваться (Бибихин, 2015b: 287).

ВЕРА И МОЛИТВА

Серьезность дела веры обуславливает онтологию подвижничества, в первую очередь молитвы. С уверенностью можно говорить о личном опыте В. В. Бибихина как возможности и предметной цели философствования на эти темы. В его корпусе трудов молитве посвящено немало рассуждений, открывающих специфически монашеское отношение к ней

как к труду, работе, количественному делу, результатом которого может стать благодать. Вера должна завершаться деланием молитвы — упрочением человека в онтологической энергии. Например, в работе «Лес» он говорит (Бибихин, 2011: 28–29):

В чем участие человека: обязательно он должен *верить*, что нерасточение мысли есть. [...] Эта вера означает, что человек должен по-честному сам сделать всё, что только в его силах для непрестанной молитвы, чтобы ее благодать могла прийти. В этом есть парадокс: я всеми силами добиваюсь того, чего, я знаю, я не могу добиться, и если я сорвусь и скажу себе, ты можешь отдохнуть, то подарок мне и не состоится. [...] ...непрестанная, постоянная молитва не случайно задевает всех нас здесь и теперь, и как она есть в том, что мы говорим. Т.е. мы обращаем внимание на то, что уже сейчас есть, строго и только это.

Молитва — делание онтологическое, универсальное. В. В. Бибихин критикует богословие за профессионализацию дела спасения. Каждый человек, человек с улицы, призван выполнять свою духовную работу. Другое дело, что молитва — тоже великое искусство, предполагающее большой опыт, связанный с «болью самопознания», поэтому по-настоящему и получается она у одного из тысячи.

Если постоянная молитва — это раскапывание того, докапывание до того, что уже есть во всех, сращенная с дыханием, сердцебиением, едой, движением, то открывается простое понимание веры: это доверие к тому, что уже есть. Закон нашего существа религия в смысле внимания (*re-ligio*, внимание). Мы сначала относимся (принадлежим и имеем отношение) к Богу. Это значит, что нам не надо смотреть дальше, чем в нас самих, в энциклопедии или кого-то спрашивать, что такое Бог. Это всё равно что я пошел бы у кого-то разузнавать, кто такой я. Это в нас всегда, хотя чаще в привативном модусе (там же: 42).

Хотелось бы отметить, что такие глубокие и очевидные «вещи» В. В. Бибихин выражает изящно, доступно, как нечто само собой разумеющееся, привлекая массу подтверждений из различной литературы. На самом деле за этой простотой рассуждений на тему веры скрывается методично отработанное зрение, образованность, любопытство и внимательность и в целом к теории души человека, и к судьбам конкретных людей, философов, а также, что самое важное, участное, с пониманием величия воспринятое общение с выдающимися советскими философами-коллегами II пол. XX века. Ведение дневников, примечание подробностей — ведь это проникновение на территорию интимности

тогда, когда господствовала атеистическая идеология. В. В. Бибихин как раз и высвечивает содержание этого «привативного модуля».

Вся онтология человека — в том, чтобы искренне представиться перед Богом (Бибихин, 2011: 43):

...вот он я, смотри. Человек говорит с Богом всем собой, какой он есть, своим бытием, своим присутствием. [...] Суть в открытии: единственно важна вера: не в человека, а в то, что человек такой именно, что в его существо входит — не как случай, казус и удача, а как необходимость — непрестанная, привязанная к дыханию, сердцебиению и пище, вошедшая в тело молитва, она же внимание.

Эта антропология, по мысли В. В. Бибихина, носит всеобщий характер, потому что у всех людей душа — христианка; им приводятся слова Тертуллиана. Вера — одна у всех народов, тайная молитва составляет сущность всех религий. В этой перспективе уместно задаться вопросом о полноценности антропологии «философской», «научной», которая развивается на Западе и ретранслируется в мировой системе образования. Здесь мы встречаем к ней небольшое дополнение: «Что я хочу: прекратить разделение веры и философии и, шире, веры и культуры. Так же как и, конечно, „разных“ вер» (там же: 45). При этом интуиция В. В. Бибихина не растекается в абстракции, у нее есть отчетливый динамичный христианский образ: реальная большая душа — Бог в душе, — душа, облакающаяся во Христа.

Всякий час и всякое мгновение будем всяким хранением блости сердце свое от помыслов, потемняющих душевное зеркало, в коем надлежит печатлеться и светописаться одному Иисусу Христу (там же: 50).

Вот о чем вся философия Владимира Вениаминовича: его антропология религиозна. Бог — в ближайшей близости, а человек сам себе другой. Во избежание обвинения в отсталости, наивности, «вере» он приводит множество цитат — от Гераклита до Пушкина. Более того (там же: 329):

Признаться в том, что именно эта тема наша, значит обязать себя, связать себя задачей, что мы и делаем: от этого момента связываем. С благодарностью американскому прагматизму, чей вызов заставил нас наконец повернуться к самому своему [...], вернемся в наш непроглядный лес.

ВЕРА И ФИЛОСОФИЯ

В «Языке философии» В. В. Бибихин признается в своей попытке оставить философию с ее вопросами и нерешенностями ради вечных

и постоянных истин веры. А итог такой: «Вдруг я почувствовал, что оказался нигде, и вера, ради которой я решил бросить философию, меня не принимает» (Бибихин, 2007: 276). Конечно, здесь призвание, талант, профессия, жизнь. Но причина невозможности их разделения усматривается и в осознании их глубокой связи. Вера имеет отношение к настолько чистому и безошибочному, что наивные убеждения, например, «Бог вечен, неизменен, постоянен», оказываются неверны. Бог — Сверхбог, Сверхизменчив. В сверхрациональную догматическую мысль может проникать как раз философский ум. Да, благодаря признанию Откровения в вере больше знания и дерзновения, но

благодаря философии вера не забудет, что именуется неизменным. Она должна поэтому уметь всегда вернуться к философии. Только вера знает, философия не знает, почему вера начинает, словно в безумии, говорить Богу «Ты» и называть его по имени. Худшее, что может сделать вера, — это, произведя погром в философии, взять от нее мертвые схемы (там же: 282).

Отношение веры и философии у В. В. Бибихина — отдельная большая тема. Он их и объединяет, и разграничивает.

Естественно, вера для В. В. Бибихина, определяя все стороны жизни, является смыслом и философией. Она видится интуицией конкретного. Если живой Бог

делает от века и в вечности — значит во времени всегда уже сделал, не так что время его работы кончилось, а так что не надо никогда дожидаться его действия, он каждый раз уже и вдруг достиг всего. Или что — этого нет? Чего тогда стоит вся вера, все речи о Боге, всё христианство, вся философия (Бибихин, 2010: 192).

Философия смотрит в направлении веры, но ее исходный пункт — не Откровение, а человек в конкретном существовании. Ведь именно в философствовании поднимается фактическая жизнь, судьба, история, причем не абстрактно, а в их приобщении к вере, Христу. Опыт уже религиозно насыщен, но его еще нужно распутать (Бибихин, 2008: 191):

другого подступа к бытию и миру у меня нет, — я не сразу исхожу, как это говорится, «из религиозных убеждений»: мои «религиозные убеждения», моя вера — что такое вера, что такое надежда, что такое эти вещи? [...] — не надо пугаться вытравления веры, под вопросом она не обязательно исчезнет, разве что была суеверием.

Поэтому здесь он цитирует Хайдеггера (там же):

...философия должна в своем радикальном [...] спрашивании (Fraglichkeit) быть принципиально а-теистической (a-theistish). Она не смеет, именно из-за своей фундаментальной направленности, права замахиваться на обладание Богом или на Его определение. Чем она радикальнее, тем отчетливее она идет от Него, стало быть, в радикальном движении от Него, — свое особенное, трудное пребывание «при» нем.

В. В. Бибихин проговаривает еще один существенный момент различия между верой и философией. Философия не проникает в глубину личностных отношений. Есть разница между отвлеченной деятельностью и живым поступком, ведь достичь «библейского Лица от современной личности» (Бибихин, 2007: 292) возможно только в поступке, а об этом в философии говорится мало. Но в вере без личности нельзя (Бибихин, 2008: 193):

...как же так без личностного Бога, должна же моя личность встретиться с личностным Богом, вон у людей встречается же, а я так оплошал, отстал? Нет, Хайдеггер тут не годится, он слеп к личности, у него дальтонизм, эту сторону, такую теплую, такую человеческую, он не видит, он откатился от христианства, он язычник; [...] в христианстве с неприкосновенной личностью, с ее диалогом, она личность ведет диалог с Богом, личность с личностью, — намного лучше, надо скорее и вернуться от потерявшегося Хайдеггера, во всяком случае непроверенного, к хорошему надежному христианству.

Как глубоко в рамках философии можно говорить о вере, продемонстрировано В. В. Бибихиным, например, при анализе хайдеггеровской философии. Проверенный Хайдеггер — тот, который своим учением о жертве открывает «высшую школу» присутствия, настроения, расположения, где,

с одной стороны, немислимая далекость последнего Бога, а с другой, тайная близость далекого. Вера (Glaube) открывает предельную даль и видит, что ближе этой дали человеку ничего нет (там же: 502).

Указывается, что именно вера у Хайдеггера связана с существом истины. Истина Бытия утаивает себя.

В просвете видно только то, что бытие бездонно. Как знать такую истину? Только держась в ее бездонности. Видеть в истине тайну значит верить. Можно, конечно, решить, что бытие есть просто обобщенное понятие существующего; что нет бездны бытия, нет его тайны, на которую никто не знает ответа. Хайдеггеровский ответ заключается в том, чтобы услышать в вопросе настоящую задачу. Спрашивание есть наша вера; перестав держаться на уровне, обозначенном параметрами глубины, бездны, тайны, свободы, мы теряем веру (там же: 503–504).

Вот в чем, согласно В. В. Бибихину, важный смысл философии — «безусловная серьезность» расспрашивания Бытия, место радикального возвращения к самому себе, предельной захваченности, которая и есть вера, молчание перед тайной и неизмеримая глубина, размах и бескрайность свободы, сознающей свою близость Богу. Осмысление Бытия как начала, мы бы сказали, антропогенеза, здесь и теперь. Такой философии чужд объективизм, извнеешнее понимание человека, в том числе наивно креационистское или эволюционистское: первозданное начало — здесь и сейчас, первый опыт экзистенции был точно таким, поэтому философия, в возврате «к основе речи» через «молчание ранней тишины» (Бибихин, 2008: 505) продумывающая бытийную истину первозданности, предстоит перед такой же тайной, как и вера. Понять себя можно, только поняв, кто такие боги. Другое дело, что у религиозной веры есть конкретное понимание этой тайны. Философия близка вере именно в аспекте онтологизма — в желании сознательно прикоснуться к истинной реальности, понимании, что, как говорит В. В. Бибихин, «дело идет о чем-то трудном для достижения» (там же: 508). Препграда, окружающая истину, всего явственнее слышится в греческом ἀλήθεια, предполагающем забывание, ускользание, сокрытие, незамечание, провал в памяти, провал в сознании.

КОГНИТИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ВЕРЫ. ВЕРА И РАЗУМ

Тема когнитивного соотношения веры и разума занимает отдельное место в творчестве В. В. Бибихина. Трудно сказать, насколько четко она артикулирована. Вера — абсолютная, безусловная, безотносительная, сама по себе слепая — направляется чистым знанием, но несет в себе знание. Они разведены, как центр и окружность. Между верой и знанием «размещается глубина человеческого сознания» (см. Бибихин, 2015b: 243).

Вера — не отдельное, особенное свойство человека, но то, что по материи совпадает со знанием, выражает себя через разум, входит в каждый его акт, и в то же время в своей слепой малости она несет абсолютную целостность знания истины, которую ей подсказывает разум, в то время как сам по себе разум знает истину частично. Вера непреборима, как, впрочем, и мысль, но вера — это интуиция живого Бога, в то время как разум странно запутывается в истинах. Об этом есть примечательные слова в работе «Собственность» (Бибихин, 2012b: 350):

Язык — это сама вдвинутость в нашу жизнь странности. Она загораживает как занавес всё что касается Бога. За занавесом софии, которая не знание, мы не знаем, есть ли Бог, не в том смысле, что всё еще колеблемся между теизмом и атеизмом, а наоборот, что слишком хорошо знаем, что Бог просто не там, где знание, и знание его существования или знание его несуществования к нему иррелевантно, не попадает в него.

Более того, вера высказывает себя не только в знании, но и в чувственности (в «Дневниках Толстого» — «вера: телесное ощущение»), в действиях, в поступке, во всем. «...Вера оказывается тем, чем дано все, с чем человек имеет дело», — говорится в «Чтении философии» (Бибихин, 2009b: 144). Она, по выражению Владимира Вениаминовича, есть «чистый огонь духа» человека, поэтому она задает и стиль жизни. Там же, в «Чтении...», он говорит (там же: 322):

...без коней, без похищения, восхищения, грабежа (*ἀρπάζειν*), без мифа и поэзии у мысли нет размаха — или точнее сказать: не знает того размаха, той захваченности, которые знает поэзия и вера, мысль не может претендовать на то, чтобы быть мыслью. — А кто ничего не читал, тот скажет: но кони Владимира Высоцкого, которые его несут так, что он просит «чуть помедленнее», — и этого тоже будет достаточно, чтобы ощутить [это] «несение».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ИНТУИЦИЯ ВЕРЫ

Интуиция веры В. В. Бибихина, с одной стороны, простая: она есть онтологическое измерение человека, отражающее некое абсолютное возвратное отношение его божественности, богопричастности, вопиющее к Самому Богу, особенно перед мрачной трагичностью смерти, — а с другой, она сложна: во-первых, сверхприродна (она безусловно принимает истинность непостижимых тайн), и, во-вторых, она — глубоко интимное, личностное, имеющее конкретное христианское выражение, и отсюда она принимает (или имеет) целый спектр характеристик, таких как жертвенность, верность, полное «слепое» доверие Богу, противоразумность, рискованность, уверенность, а также свойства разумности, такие как философичность, чистота (аспект катарсиса — это особая большая тема В. В. Бибихина), безмолвие (в курсе «Витгенштейн: смена аспекта» он говорит, что «вера требует молчания» (Бибихин, 2005a: 323)) и, конечно, непрестанная молитва.

Стоит ли говорить, что, в сущности, сама христианская онтология гипостазирована верой. На ней ответственность: за словом «вера» стоит не игра слов, а обеспеченность и обеспечение такими моментами, как Воскресение, пресуществление, нетление мощей (см. там же: 429). Но

самое главное, что она обеспечивается подвижничеством — живым, деятельным участием в своем учении. В курсе «Узнай себя» говорится, что «вера в твердь остается пустой без дел. Человек уверяется в своей вере, вместо того, чтобы утверждаться в тверди» (Бибихин, 2015b: 233). А причина в том, что

в зеркале веры все яснее виден желанный край, все труднее оторваться от его созерцания, тем более что отвернувшись от него, не видно ничего, кроме пошлости, запустения, безнадежности (там же).

Цитировать подобные высказывания хотелось бы еще и еще, но мы завершим обозрение интуиции веры В. В. Бибихина примечательным утверждением из его работы «Энергия» (Бибихин, 2010: 135):

...человеческая глупость неискоренима, что железные идеологии им правят и не отпустят его, что Бог не показывается, что смерть всё разрушает, она абсолютный конец

— остается только вера в собственную неправду.

Может, в этой интуиции и есть важное в вере сознание принципиальной необеспеченности человека (об этом у В. В. Бибихина говорится много) и знание Творца: *de profundis* — воззвание к Нему из глубины.

ЛИТЕРАТУРА

- Авва Исаак.* Слова подвижнические / пер. с сирийского, под ред. С. Соболевского. — М. : Правило веры, 1998.
- Бибихин В. В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004.
- Бибихин В. В.* Витгенштейн: смена аспекта. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005а.
- Бибихин В. В.* Теологические аспекты философии истории Мартина Хайдеггера. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2005b.
- Бибихин В. В.* Язык философии. — М., СПб. : Наука, 2007. — (Слово о сущем ; 76).
- Бибихин В. В.* Внутренняя форма слова. — М. : Наука, 2008.
- Бибихин В. В.* Ранний Хайдеггер : материалы к семинару. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2009а.
- Бибихин В. В.* Чтение философии. — СПб. : Наука, 2009b. — (Слово о сущем ; 83).
- Бибихин В. В.* Энергия / сост. О. Е. Лебедевой ; примеч. О. Е. Лебедевой. — М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010.
- Бибихин В. В.* Лес / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2011. — (Слово о сущем ; 92).

- Бибихин В. В.* Дневники Льва Толстого. — СПб. : Иван Лимбах, 2012а.
- Бибихин В. В.* Собственность. Философия своего / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2012б. — (Слово о сущем ; 100).
- Бибихин В. В.* Дары Владимира Бибихина / Владимир Бибихин. — 2015а. — URL: http://www.bibikhin.ru/in_memoriam (дата обр. 23 сент. 2022).
- Бибихин В. В.* Узнай себя. — СПб. : Наука, 2015б. — (Слово о сущем ; 119).
- Кьеркегор С.* Страх и трепет / пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева. — М. : Культурная революция, 2010. — С. 5–122.
- Платон.* Парменид / пер. с древнегреч. С. С. Аверинцева // Собрание сочинений. В 4 т. — М. : Мысль, 1993.

Ustimenko, D. L. 2022. "Intuitsiya very v religiozno-antropologicheskoy mysli Vladimira Bibikhina [Intuition of Faith in the Religious and Anthropological Thought of Vladimir Bibikhin]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (3), 105–126.

DMITRIY USTIMENKO

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR

NORTH CAUCASUS BRANCH OF THE MOSCOW TECHNICAL UNIVERSITY OF COMMUNICATIONS
AND INFORMATICS (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-3047-9564

INTUITION OF FAITH IN THE RELIGIOUS AND ANTHROPOLOGICAL THOUGHT OF VLADIMIR BIBIKHIN

Submitted: May 11, 2022. Reviewed: July 22, 2022. Accepted: Aug. 17, 2022.

Abstract: The article studies the main aspects of understanding the faith by Vladimir Bibikhin. The article's methodology is analysis-oriented: the intuition of the philosopher's faith is reconstructed from precise, self-significant definitions expressed in his numerous works. It is stated that the category of faith occupies a significant place among the themes and problems of the philosopher's work. Bibikhin declares faith as the "first thing", which consciously or unconsciously determines the entire existence of a person. Along with philosophy and prayer, faith is declared an "ontology", i. e. a truly authentic measure of existence. It contacts with the "heart of truth", accepts supernatural dogmatic Mysteries, introduces a soteriological meaning, conceals a not always obvious, but unconditional law of human nature, which pre-determines the quality and morality of all actions. It is significant that, despite the Christian religious commitment, in his works, Vladimir Bibikhin offers an apology for the anthropological universalism of faith, criticizes its only doctrinal interpretation, and explicates it in a conceptually philosophical manner. Faith is also revealed as a way of recognizing oneself and God in oneself (the doctrinal aspect), but it is precisely with it that the unconditional freedom of a person is associated. Cognitively, it coincides with the mind and is its highest potency. In this sense, according to Vladimir Bibikhin faith is a demand for both "catharsis", "capture", and "robbery of Being", which is manifested in prayer and creativity. An important aspect of the intuition of faith by Vladimir Bibikhin is its personal dimension, having a specific Christian expression. In his works, one can find a whole range of characteristics of faith:

sacrifice, fidelity, complete “blind” trust in God, unreasonableness, riskiness, and confidence, as well as the properties of knowledge, philosophy, and purity.

Keywords: V. V. Bibikhin, Faith, Ontology, Humility, Philosophy, Freedom.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-3-105-126.

REFERENCES

- Bibikhin, V. V. 2004. *Aleksey Fedorovich Losev. Sergey Sergeevich Averintsev [A. Losev. S. Averintsev]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- . 2005a. *Teologicheskiye aspekty filosofii istorii Martina Khaydeggera [Theological Aspects of Martin Heidegger's Philosophy of History]* [in Russian]. Belgorod: Izd-vo BelGU.
- . 2005b. *Vitgenshteyn: smena aspekta [Wittgenstein: Aspect Shift]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- . 2007. *Yazyk filosofii [Language of Philosophy]* [in Russian]. Slovo o sushchem 76. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2008. *Vnutrennyaya forma slova [The Internal Form of the Word]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- . 2011. *Les [The Wood]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 92. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2012a. *Dnevnik L'va Tolstogo [Leo Tolstoy's Diaries]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Ivan Limbakh.
- . 2012b. *Sobstvennost'. Filosofiya svoeyego [Ownership. Philosophy of the Own]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 100. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2015a. “Dary Vladimira Bibikhina [Gifts of Vladimir Bibikhin]” [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Sept. 23, 2022. http://www.bibikhin.ru/in_memoriam.
- . 2015b. *Uznay sebya [Know Yourself]* [in Russian]. Slovo o sushchem 119. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2009a. *Chteniyе filosofii [Reading of Philosophy]* [in Russian]. Slovo o sushchem 83. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2010. *Energiya [The Energy]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Annot. by O. Ye. Lebedeva. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- . 2009b. *Ranniy Khaydegger [Early Heidegger]: materialy k seminaru [Notes for the Workshop]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
- Isaac of Nineveh. 1998. *Slova podvizhnicheskoye [Ascetic Words]* [in Russian]. Ed. and trans. from the Syriac by S. Sobolevskiy. Moskva [Moscow]: Pravilo very.
- Kierkegaard, S. 2010. *Strakh i trepet [Fear and Trembling]* [in Russian]. Trans. from the Danish by N. V. Isayeva and S. A. Isayev. 5–122. Moskva [Moscow]: Kul'turnaya revolyutsiya.
- Plato. 1993. “Parmenid [Parmenides]” [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, trans. from the Ancient Greek by S. C. Averintsev. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.